

Концептуальная модель пространства, описываемая в терминах базовых пространственных оппозиций (часть/целое, верх/низ, центр/периферия) уходит корнями в эпоху неолита, время становления производящего хозяйства, развития абстрактного мышления, появления грамматических систем, близких к современным [Лосев 1982]. Традиционная культура наследует архаичную модель мироздания, в которой отношения между частью и целым в природе и произведениях человеческого труда устроены по единому плану. Доказательство этому – широкое распространение в разных группах лексики анатомических терминов и слов-метафор, сохранившихся до настоящего времени и вошедших в литературную речь. Ключевыми образами в традиционной системе представлений стали сам человек и объекты его повседневного окружения. Дом в списке таких базовых структур занимает ведущее место, чему посвящена обширнейшая этнографическая и лингвистическая литература [Бломквист 1956, Байбурин 1983, Цивьян 1990, Пермиловская 2005 и др.]. По образу и подобию дома в традиционной картине мира устроены многие пространственные объекты. Являясь моделью мира, сам дом многократно отражается в структуре освоенного человеком пространства и геометрии составляющих его элементов и компонентов. Наглядным тому подтверждением является содержание и структура соответствующих разделов народного лексикона, что проиллюстрировано в данной статье на примере географической и внегеографической диалектной лексики Русского Севера и Забайкалья – совершенно разных по своим природным и хозяйственным особенностям регионов. В качестве дополнительных источников использован словарь В. И. Даля и другие материалы.

Пространство дома

С формальных позиций устройство дома, равно как и лексика, описывающая это устройство, относится к внегеографической проблематике и составляет предмет этнографических и лингвистических изысканий. Однако, использование терминов «домоустройства» в номинации пространственных объектов заставляет внимательнее отнестись к этой важнейшей из созданных человеком конструкций. «Домовая» лексика составляет значительный объем любого лексикона. В диалектах русского языка обозначены части сруба, конструкция пола, потолка, крыши и т. д., компоненты внутреннего пространства с различными хозяйственными функциями и очень подробно – строение печи.

В первом приближении дом представляет собой объект по Дж. Гиббсону [Гиббсон 1988] – компоновку поверхностей стен и образованных ими ребер – углов. Сруб, крыша, пол отделяют жилое пространство от внешней среды. Внутреннее пространство глубоко дифференцировано и обозначено вплоть до мельчайших деталей – верхних и нижних бревен сруба (оппозиция верх/низ), ступенек крыльца, элементов строения печи (часть/целое) (табл. 1). «Масштаб образа» традиционного жилища соответствует масштабу изображения нано- и микрорельефа, элементов внутренней неоднородности растительного покрова и внутрифациальной мозаики (1:10 – 1:100). Каждая функциональная часть дома делится в свою очередь на более мелкие части, которые могут быть обособлены весьма условно: *изба* ‘небольшой уголок внутри дома, отгороженный занавеской’ [Элиасов 1980: 143]; *казёнка* ‘1) чулан, часть сеней, отгороженная для кладовой; 2) часть кухни, отгороженная перегородкой или занавеской’ [Элиасов 1980: 146].

Все морфологические части дома обладают различным сакральным потенциалом. Пространство дома анизотропно не только в соответствии с традиционной моделью мироздания (см. Романов 1991, Байбурин 1993 и др.), но и в самом прямом геометрическом смысле. В ментальном центре – парадной и сакрализованной части внутреннего объема – расположены печь и *красный угол*, расположенные по диагонали друг к другу, несущая потолочная балка – *матка*, *пестун* (рис. 1). Части, принадлежащие периферии жилой зоны, выполняют преимущественно хозяйственную функцию – здесь профанное начало преобладает над сакральным. Оппозиция «чистой»

и «грязной» половин представлена также в логико-понятийной модели дома, созданной в рамках этнолингвистики [Герд 2005: 62].

Таблица 1

Структура и морфология дома

Компоненты		Элементы				
		Конструктивные		Деструктивные	Реконструктивные	
I. Поверхности и компоновки						
Сруб	Основа- ние	Бревна, столбы и пр.				
	Венцы	Нижние	Бревна продоль- ные и Поперечные	Сгнившие бревна, щели между бревнами	Замененные бревна	
		Верх- ние				
	Углы	Типы углов: <i>в обло, лапу, растяг, зарубню, в притык</i> и т. д.		Подгнившие углы	Доски, которыми обиты углы дома	
Стены	Продольные и поперечные, Капитальные и временные		Отрежи побелки и пр.			
Пол	Времен- ный, по- стоянный	Половица		Щели в полу	Замененные доски Доски, закрывшие щели	
Потолок	Средняя потолочная балка, матица			Просевшая ма- тица	Столб, подпирю- щий матицу	
Крыша	Стропила	боковые	Бревна, брус			
	Скат	Доски, дранки				
	Конек					
II. Внутренний объем						
Жилое про- стран- ство	I. Цен- тральная зона	Гор- ница	Правый перед- ний угол место под мати- цей		Беспорядок в доме	Наведение порядка
	II. Внут- ренняя зона	Комната, отгороженная часть дома Часть дома – кухня и столовая				
	III. Пере- ходная зона	Угол, загородка за печкой Темный уголок, место между стеной и печкой, где держат кур				
Переход- ное про- стран- ство	Подпол	Сусек в подвале, в подпо- лье				
	Чердак	Часть чердака для летнего жилья				
	Сени	Чулан, часть сеней, кладо- вая				
Внешнее про- стран- ство	Окно	Ставни, створки, налич- ники, рамы, форточки, же- лоба для сбора воды				
	Дверь	Створки, пороги, засовы, крючки				
	Крыльцо	Кровля крыльца				

		Ступени Место под лестницей, Доска перед первой ступенькой		
	Балкон	Столб, подпирающий балкон, обрамление балкона		
III. Сквозные компоненты – печь				
Фундамент (деревянный сруб, засыпанный песком)				
Основная часть	I	Передняя часть русской печи Отверстие (чело) печи Под, части пода Угол, куда загребают жар Шесток Поперечная стенка, отделяющая под от шестка Угловой камин – светец		
	II	Углубление в углу печки для освещения кухни Отверстие в нижней части Печурки		
	III	Задняя часть печи, место за печкой		
Труба		Часть трубы, находящаяся в доме Вьюшка		

В модели крестьянского дома реализованы одновременно две схемы устройства пространства – «кочевая» с кругом в качестве базового образа и оседлая земледельческая, основанная на сочетании квадратов и прямоугольников (рис. 1). Ортогональная схема сохраняется в образах городского пространства и может проявляться в теоретических построениях, созданных в рамках элитарной культуры. Она прочитывается в модели В. Л. Каганского, где даже углы выстроены из прямоугольных фигур [Каганский 2001: 93]. Следует отметить, что в традиционной модели мира круг может отождествляться с небом, а Земля – с квадратом, при этом углы принадлежат сфере хаоса [Скрынникова 2005: 366]

Сакральный и функциональный центр дома – относительно хорошо освещенное пространство, некогда очаг, круг костра, архетипическое начало *своего* мира. В этой ментальной схеме центральный круг не вписывается в прямоугольные контуры сруба, что приводит к дифференциации стен и углов на ближние (передние) и дальние, появлению переходной и внешней зон, насыщенных преимущественно отсоединительной семантикой (рис. 1). Это несовпадение проявляется уже у *круглого дома*, квадратного в плане [Словарь русских говоров Карелии ... 1994: 481] («круглатура квадрата») и еще более выражено у *протяжного дома*, имеющего прямоугольную форму [Маслов 1993: 49]. Число стен и внутренних углов определяют планировочный тип постройки: *пятистенок*, *шестистенок* и наиболее сложный по конструкции *девятуголовой дом* (*дом на девять углов*, *крестовый дом*, *крестовик*) – дом с двумя внутренними перекрещивающимися стенами.

Роль сквозной структуры в модели дома выполняет печь (табл. 1). Она опирается на земную твердь и связывает небо и землю, мир людей и потусторонний мир. Строение печи по сложности сопоставимо со строением дома: выделяются передняя и поперечная стены, углы, камин для освещения. Особое значение имеют под – кирпичная *загнета* – угол печи, куда загребают жар: «*Загнета дом теплит и душу веселит*» [Элиасов 1980: 118]. В силу естественных причин

печь или печная кладка сохраняется после разрушения дома, оставаясь носителем информации о существовании жилища: **перержа** ‘печь, оставшаяся после пожара’ [Элиасов 1980: 294].

Лексика, характеризующая ситуацию «строительство дома», содержит большой объем значимой с географической точки зрения информации. Этот блок природно-ресурсной понятийно-терминологической системы включает названия древесного и растительного сырья, природных строительных материалов, «инженерные» оценки места: **кондовик** ‘крупный высококачественный строевой лес’: «*Кондовик на постройку идет*» [Элиасов 1980: 162], **ярикта** ‘лиственница’: «*Дом построил из одной ярикты, простоят сотни лет*» [Элиасов 1980: 470], **дранной** ‘пригодный для изготовления дранки (о лесе)’ [Элиасов 1980: 104], **урин** ‘теплое место, прогреваемое солнцем’: «*Для деревни выбрали урин*»; «*Зимовье поставили на урине*» [Элиасов 1980: 428], **посвет** ‘место, освещаемое солнцем’: «*Баню и то ране на посвет ставили, а дом-то без посвета не дом – тюрьма*» [Элиасов 1980: 322] Информация содержится не только в терминах, но в приводимых иллюстрациях. В словарной статье к слову **подвалок** ‘бревна, подкладываемые под углы нижнего венца сруба’ читаем: «*На подвалок лиственницу клали, где сыро было. А где сухо, то на подвалок шла сосна*» [Элиасов 1980: 305]. На постройку дома использовался мох возрастом не менее трех лет. Молодой мох назывался **мороба**: «*На мороба дом класть не будешь. В мороба половина земли*» [Элиасов 1980: 210]. Не использовались для строительства камни с **оплесенью** – тонким слоем мха [Элиасов 1980: 267]

Создание дома как *своего мира* не является разовым действием. Дом требует постоянных усилий с разрушающим действием внешней среды. Эту борьбу конструктивного и деструктивного начал отражает значительный пласт внегеографической лексики, характеризующей признаки разрушения и приемы восстановления постройки (названия сгнивших и замененных частей сруба, поддерживающих столбов и т. п.). В «Словаре забайкальских говоров» она составляет около 10% от объема «домостроительной» лексики. Оппозиция созданное/разрушенное прослеживается во всех пространственных компонентах крестьянского мира. Процесс одомашнивания пространства может прерываться, возвращать к начальной точке: **разрой** ‘хозяйство, пришедшее в упадок’ [Элиасов 1980: 349]. Крайними состояниями в этом ряду являются **подмыз** ‘место, которое начинает застраиваться домами’ [Элиасов 1980: 308] и **урай** ‘место бывшего поселения’ [Элиасов 1980: 427]. На Русском Севере они обозначены одним словом **домовище**, семантическое поле которого включает и последнее пристанище человека: ‘1. Место, где стоял дом; 2. Место, предназначенное для будущего дома, участок для строительства дома; 3. Домовина, гроб’ [Словарь русских ... 1994: 483].

Дом и его отражения

Дом как компоновка поверхностей имеет определенное сходство с другими окружающими крестьянина объектами (табл. 2). В тех же или близких терминах описываются формы рельефа, объекты гидросферы, охотничье-промысловые места (табл. 2, 3). Общие признаки с домом имеет гора, что наглядно отражает определение **набтаристый** ‘низкий, невысокий (о горах, доме – А. С.)’ [Элиасов 1980: 220], а крыша является подобием вершины, как следует из иллюстрации к слову **плочатый** ‘плоский’: «*Крыши в городе на домах плочатые, а у нас в деревне крутые адали гольцы*» [Элиасов 1980: 301]. Сама дифференциация горного склона имеет аналогии с делением венцов сруба на нижние, верхние бревна. **Рядок** ‘место, откуда начинается крутой подъем в гору’ [Элиасов 1980: 362] можно рассматривать как аналог завалинки. Морфологическое сходство крутого берега реки и отвесных стен колодца проявляется в полисемии слова **поднесь** ‘1. Крутой обрывистый берег реки. 2. Нижний ряд сруба в колодце’ [Элиасов 1980: 309]. Морфологически близки дом и стог сена: «*Скирды складывают четверугольем таким, а потом вверху, как дом конем*» (иллюстрация к словосочетанию **дом конём** ‘дом с двускатной крышей’ [Словарь... 1994]. Близкими терминами обозначен **опечек** ‘деревянный фундамент под русской печью’, представлявший собой лиственничный сруб, наполненный песком [Элиасов 1980: 266], и **опечь** ‘песчаная отмель в реке’ [Элиасов 1980: 266].

Подобия дома

Спектр значений термина	Принадлежность объ- ектов		
	Ре- льеф	Гидро- сеть	Уго- дья
Площатый 'плоский (из иллюстраций - плоская гора, крыша, нос' [Элиасов 1980: 301]	+		
Набтаристый 'низкий, невысокий (гора, дом – А. С.)' [Элиасов 1980: 220]	+		
Опечек 'деревянный фундамент под русской печью' [Элиасов 1980: 266] опечь 'песчаная отмель в реке' [Элиасов 1980: 266].			
Сокуй '1. Ледяные сосульки под стрехой. ... 3. Ледяные наросты на прибрежных скалах' [Элиасов 1980: 387]		+	+
Растёх 'паз (между бревнами, забиваемый мхом – А. С.)' [Элиасов 1980: 355] Растёха 'весенняя прорубь с обвалившимися краями' [Элиасов 1980: 335]		+	+
Култук 'угол в доме место за печкой балка, овраг; залив тупик □	+	+	+
Изголовь 'возвышенная часть острова, не затопляемая во время наводнения' [Элиасов 1980: 140]	+	+	+
Свирня '1. Лаз в медвежью берлогу. 2. Навес перед входом в дом, заменяющий временно сени' [Элиасов 1980: 370]			+
Гайно '1. Логово, нора зверя. 2. Гнездо белки. 3. Навоз. 4. Беспорядок в доме' [Элиасов 1980: 86]			+

Отношения подобия существуют между контурами дома, поселения и плановым рисунком геосистем, угодий, дорожной сети. Словосочетание **покрайнее место** означает а) полосу сенокосного угодья, тянущуюся вдоль реки; б) окраину села [Элиасов 1980: 315], слово **ревенки** – околицу, место за деревней, где пасется скот и опушку леса [Элиасов 1980: 357]. **Долевой** на Русском Севере называется основная стена, отделяющая жилую часть дома от нежилой: «Дом, а посередке стена долевая». По отношению к дороге слово **долевой** означает 'центральный, расположенный по длине местности': «Но бывает дорога долевая, идет так, а бывает и поперечная» [Словарь русских ... 1994: 478]. По схожей геометрической схеме устроен **крестовый дом** 'дом с двумя внутренними перекрещивающимися стенами' [Словарь русских ... 1994: 480] и перекресток – **росстань** 'перекресток двух или нескольких дорог, распутье' [Элиасов 1980: 170].

Дом и его подобия классифицируются по одним, преимущественно морфологическим признакам. Оппозиция «крупный – мелкий» лежит в основе определения дома, стога, горы. **Огромному дому** [Элиасов 1980: 259] противопоставляется **котухник** 'маленький жилой домик' [Элиасов 1980: 168], **зароду** 'большая укладка сена в виде квадрата или прямоугольника' [Элиасов 1980: 128] – **копюшка** 'маленькая копна сена' [Элиасов 1980: 164], крупной горе **икат** 'пологая большая гора' [Элиасов 1980: 141] – **елбанчик** 'маленький пригорок, небольшая возвышенность' [Элиасов 1980: 109]. Оппозиции «часть – целое», «верх – низ» также играют свою роль в определении структуры дома и объектов, являющихся его подобиями (табл. 3).

Структурные подобию дома

Дом	Печь	Стог	Гора
1. Оппозиция «простой - сложный»			
Четырехстенный дом 'однокомнатный дом' [Словарь русских... 1994: 481]			Икат 'пологая большая гора' [Элиасов 1980: 141]
Полняк 'благоустроенный дом из нескольких комнат' [Элиасов 1980: 315]			Хинган 'длинная волнистая гора' [Элиасов 1980: 441]
2. Оппозиция «часть – целое»			
Матка 'дом, к которому сделана пристройка' [Элиасов 1980: 198]	Печь	Зарод 'большая укладка сена в виде квадрата или прямоугольника' [Элиасов 1980: 128]	Кряж (см. ниже)
Притык 'пристройка к дому или к какой-либо другой постройке' [Элиасов 1980: 333]	Загнета 'один из углов печи, куда загребают жар' [Элиасов 1980: 118]	Отстёг 'копна сена, приметанная к стогу или зароду' [Элиасов 1980: 277]	Стрелка 'горная острая конечная часть кряжа, горный мыс' [Элиасов 1980: 395]
3. Оппозиция «верх – низ»			
Окладка 'нижние венцы дома' [Элиасов 1980: 261]	Опечек 'деревянный фундамент под русской печью' [Элиасов 1980: 266]	Одонье 'нижний слой сена в зароде, который приходит в негодность' [Элиасов 1980: 260]	Рядок 'место, откуда начинается крутой подъем в гору' [Элиасов 1980: 362]
Венчик 'верхний ряд бревен в деревянном доме' [Элиасов 1980: 74] Охлопень 'конек на крыше' [Элиасов 1980: 281]	Вывод 'печная труба' [Элиасов 1980: 83]	Овересье 'вершина зарода, стога' [Элиасов 1980: 257]	Мадан 'самая высокая часть горы или скалы' [Элиасов 1980: 192]
4. Оппозиция «передний – задний» / «южный – северный»			
Конник 'правый передний угол в доме, в котором стоят иконы' [Элиасов 1980: 162]	Чувал 'передняя часть русской печи' [Элиасов 1980: 455]		Алга 'солнцепёк; склон горы, обращенный на восток или на юг' [Элиасов 1980: 52-53]
Култук '1. Угол в доме место за печкой. 2. Тупик. 3. Залив. 4. Балка, овраг' [Элиасов 1980: 174-175]	Жаган 'темный уголок, место между стеной и печкой, где обычно держат кур' [Элиасов 1980: 110]		Шивер 'участок реки с северной стороны, которой не хватает солнца (северный склон долины – А. С.)' [Элиасов 1980: 462]

Многочисленные аналогии существуют в подходах к описанию поверхностей. Признак неоднородности используется для описания стен дома, растительного покрова, пахотного слоя: *раскрап* ‘непробеленное место на стене’ [Элиасов 1980: 351], *прогол* ‘место в сенокосном уголье, обойденное косцом’ [Элиасов 1980: 335], *аламус* ‘участок пересохшей земли в поле’ [Элиасов 1980: 52], *проседина* ‘места с пожелтевшей травой; пожелтевшая трава в степи, покрытой зеленью’ [Элиасов 1980: 337]. Оценка частей пространства и дома также строится также на близких характеристиках. Для определения некачественных объектов забайкальские крестьяне использовали заимствованное из бурятского языка слово *хазагай* ‘кривой, искривленный; искаженный’ [Черемисов 1973: 533]. Оно обозначало и низкопродуктивное уголье, и разрушающийся дом: *хазгай* ‘непригодная для пастьбы степь, место с плохой травой’ [Элиасов 1980: 435], *хазагай* ‘немного покосившееся строение’ [Элиасов 1980: 435].

Печище и ойкумена

В пределах дома выделяются два пространственных уровня. Первый соответствует жилому пространству, второй – общему объему строения (табл. 1). Структура одомашненного пространства значительно сложнее. Вокруг поселения формируется система зон разной степени освоенности с постепенным переходом к миру дикой природы. В теоретической географии эта схема восходит к модели Тюнена (Родоман 1999). Материалы диалектной лексикографии позволили выделить для Русского Севера девять концентрических зон, охватывающих территорию от дома и поселения до границ поморской ойкумены – стран Северной Европы и Баренцева моря [Соколова 1994, 1996: 10]. Севернорусская модель применима также к Забайкалью, что свидетельствует о существовании единых схем конструирования образа пространства, разворачивающихся вне зависимости от природных условий (табл. 3).

Ядром одомашненного пространства является территория *печища*. Данный термин столь емко и точен, что может, с нашей точки зрения, выступать в качестве базового понятия исторической географии, лингвогеоиконики (при моделировании традиционных образов пространства) и этнокультурного ландшафтоведения. Наиболее полный спектр значений слова приведен в «Словаре русских народных говоров». Сгруппируем основные, имеющие отношение к рассматриваемому вопросу: 1) ‘печь’; 2) ‘место, где находится дом с хозяйственными постройками, садом и огородом; усадьба’; 3) ‘деревня || одна или несколько деревень, объединенных общим земельным владением’; ‘земельный надел, принадлежащий деревне’; ‘сельская община’; ‘4) отдаленная от других селений деревня; отдаленный поселок’; 5) ‘место, где когда-то было жилье, деревня’; ‘остатки, развалины жилой постройки’ [Словарь русских ... 1992: 6-7]. Таким образом, в семантическом поле термина увязаны в единое целое все компоненты и элементы ядра ойкумены – дом и печь как профанный и сакральный центр, обладающий устойчивостью во времени; деревня и земельный надел; сельская община и волость с отдаленными поселениями как низовые единицы пространственной организации. Печище выделяется не только в пространстве, но и во времени. Эта структура имеет значительную длительность существования и «послесуществования» в качестве культурного объекта (например, как места поклонения духам предков) и объекта исторического ландшафтоведения – как сочетание геосистем, находящихся на стадии восстановления. Явное подобие пространств печи, дома и территории волости, уезда проявляется в полисемии севернорусского слова *усторонок* (*устороны*) ‘1) дальний уголок в доме, во дворе, в печи; 2) глушь, отдаленное поселение’ [Грандильевский 1907: 289]. Условное тождество дома, поселения и принадлежащих ему угодий отражено в южнорусских терминах *юрт* ‘земельный надел станицы’ [Маслов 1993: 176], *околотица* ‘окрестные жители, селения’ [Даль II: 665].

Пространства печища и следующих за ним центров воспринимаются как геометрически и семантически неоднородные. Сочетание круга и квадрата, в т. ч. круга, очерчиваемого линией горизонта, ведет к появлению сторон – *сторон света* и углов (рис. 1). Они в свою очередь делятся в соответствии со схемой организации пространства на ближние и дальние зоны, стороны, углы. Общеизвестна «квадратная» модель Скифии, представленная в описании Геродота.

В русских говорах существует термины *страна* ‘местность, область, край; сторона’: «Когда переворот получился, то повыехали, понаехали с других сторон» [Словарь русских... 1983: 289]; *сторонный* ‘живущий в другом селе’ [Словарь русских... 1983: 289]; *алдан* ‘дальняя сторона, сторона незнакомая и неприветливая’ [Элиасов 1980: 53]; *гнилой угол* ‘сторона горизонта, откуда обычно приходят дождевые тучи’ [Словарь русских... 1983: 307]. Семантическая связка «южный – передний» применительно к устройству пространства особенно характерна для кочевых народов [Жуковская 1988]. В бурятском языке *урда* означает ‘1) юг, южный; 2) перед, передняя (или лицевая) сторона’ [Черемисов 474]. Принадлежность дальних углов иному миру, неоднократно отмечавшаяся исследователями народного языка и культуры, отражена в многочисленных топонимах и микропонимах. Под именем *Чертов Угол* на Русском Севере известны болота, полосы полей, деревни (неофициальные названия) [Просвирнина 2001: 45]. В Тверской губернии *чертов угол* – глухая лесная сторона на границе Оставшевского и Ржевского уездов [Калмыкова 1981: 6]. В целом, модель пространства, построенная исключительно на лингвистических данных, приобретает крещатый/антропоморфный облик (рис. 1), что еще раз подтверждает существования в традиционной картине мира дома отношений подобия в системе дом – человек – освоенное пространство.

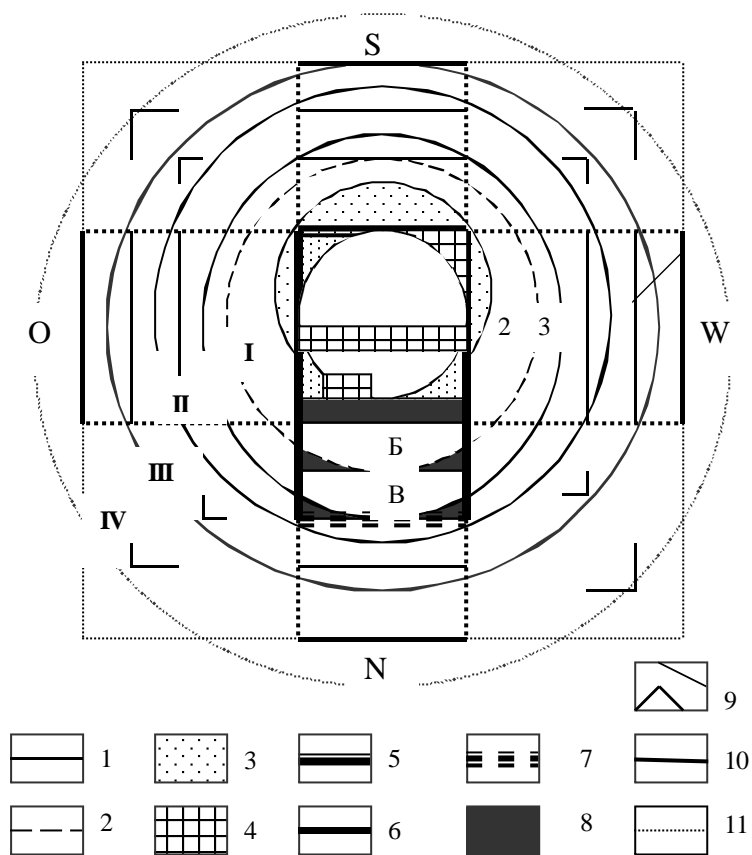

Рис. 1. Матрица организации пространства в традиционной культуре. Уровни организации: I – дом; II – двор; III – печище; IV – ойкумена. 1 – границы концентров; 2 – границы субконцентров; 3 – ментальный центр одомашненного пространства; 4 – сакрализованные части пространства дома: *матица* – поперечная потолочная балка; печь; *красный угол*, определяемый расположением печи); 5 – передняя (ближняя) стена дома; 6 – долевая стена; 7 – дальняя (задняя) стена дома; 8 – углы, принадлежащие внешнему субконцентру; 9 – стороны и углы в системе концентров (проекции дома во внешнем пространстве); 10 – стороны горизонта; 11 – внешние границы ойкумены

Модель устройства печища применима ко всему освоенному миру, следовательно, лексика, используемая для номинации ближних – дальних углов, может встречаться в концентриках

разного масштаба. К таким универсальным терминам относится слово *кулига* ‘клин земли, полоса, загон, участок, не вошедший в тягловый надел’, ‘пожня особняком среди пашен либо лесу’ [Даль 1996 II: 216], ‘земельный участок, отделенный оврагами, болотами, озером’ [Грандильевский 1907: 184]. В Европейской России термин характеризует процесс расширения пашенных угодий в системе подсечно-огневого земледелия: *кулига* ‘лес, расчищенный, выкорчеванный, выжженный под пожню или пашню, починок’; *кулижник* ‘кто вырубает и выжигает кулиги’ [Даль 1996 II: 216]. В системе волости – большого печища *кулига* означает ‘починок, выселок, деревня в лесу’ [Даль 1996 II: 216]. В Забайкалье термин приобретает несколько иное значение и должен быть перемещен в блок макрорегиональной лексики: *кулижник* ‘новосел’: «Сперва эту деревню основали беглые ссыльные, потом появились с западу кулижники» [Элиасов 1980: 174]. *Кулижники* – переселенцы связаны непосредственно с Европейской Россией или расположенными к западу от Забайкалья сибирскими землями. Новое значение приобретает в Забайкалье слово *кержак* ‘человек, любящий одиночество; отшельник’ [Элиасов 1980: 154], происходящее согласно В. И. Далю от реки Керженец ‘нижегородского притона раскольников’ [Даль II: 105]. Так же меняется значение глагола *кержачить* по Далю ‘держаться обычаев, обрядов староверов’, в Забайкалье – ‘работать, охотиться в одиночку’ [Элиасов 1980: 154], [Даль II: 105]. Примечательно, что в Тверской области удаленная от обжитых мест территория известна местному населению как *Сибирь* [Калмыкова 1981: 6]. Так в структуре ойкумены образы крупных территориальных единиц занимают места локальных и региональных. Важно отметить, что система концентров строится от конкретного поселения – только на уровне поречья образуется общая региональная система кругов большого радиуса.

Печище и ойкумена строятся по одним принципам в разных регионах, что показывает сравнительный анализ севернорусской и забайкальской модели одомашненного пространства (табл. 4). Структура этнолого-ландшафтной понятийно-терминологической системы, построенная на основе севернорусской лексики [Соколова 1994; Соколова 1996: 10] позволяет классифицировать и лексику забайкальских говоров, сформировавшуюся в рамках разных систем землепользования: горно-котловинной таежной (близка к севернорусскому типу), горно-котловинной степной-лесостепной и горно-котловинной лесостепной-таежной. Для двух последних характерна инверсия пашенных и пастбищных угодий – к поселению примыкает выгон, занимающий днище котловины и склоны низкогорья, а пашни располагают дальше и гипсометрически выше, в пределах лесостепного пояса. Сама же концентрическая структура печища изменений не претерпела, равно как и основные признаки дифференциации пространственных образов (табл. 4).

Концентры образуют систему кругов, расходящихся от дома – центра традиционной ойкумены. Они состоят из ядра, внутренней и внешней зон. Каждый предыдущий концентр при переходе на следующий уровень становится ядром последующего. Для определения границ концентров наиболее оправдано попеременное использование социально-географических (этногеографических) и ландшафтных признаков, подобный подход использован в исторической географии [Соколова 1999].

Очевидное сходство в устройстве севернорусского и забайкальского печища проявляется на других уровнях организации пространства. В Забайкалье, как и на Русском Севере, верховья и низовья рек противопоставляются по образу жизни и занятиям жителей: «*Низовские всегда с рыбой*», «*У низовских скота меньше*», «*Низовские к нам за мукой ездят*» [Элиасов 1980: 243], «*Верховик мне лес на дом заготовил*» [Элиасов 1980: 75]. В Забайкалье также существует деление ойкумены на поречья (котловины) и междуречья (водораздельные поднятия), при этом прилегающие к котловинам горные хребты противопоставляются неизведанным горнотаежным массивам – *зутанам, бакласным местам*: «*За нашими хребтами* (подчеркнуто мною – А. С.) *бакласные места идут без конца и края. В этих бакласных местах такая тайга, что человек ишишо не хаживал (бакласный ‘сплошной, идущий без перерыва лес, луг’)*» [Элиасов 1980: 59].

Ядро забайкальского мегарегиона объективно тяготеет к основной зоне расселения русских крестьян. Оно соответствует бассейнам Селенги, Баргузина, Ингоды, Шилки, Аргуни – местам, где проживает *осёлый народок* (см. иллюстрации к слову *осёлый* ‘осёдлый’ [Элиасов 1980: 269]). В этих краях *свой мир* заканчивается там, где пестрая мозаика степных, лесостепных и

таежных ландшафтов сменяется слабо дифференцированным (на уровне природных зон – высотных поясов) пространством тайги или степи. Такие крупные территориальные континуумы определяются словами *урман* ‘1. Малопроходимая болотистая тайга, лес, глушь. 2. Большое степное пространство, где не встречаются населенные пункты’ [Элиасов 1980: 429] и *алдан* ‘дальняя сторона, сторона незнакомая и неприветливая’ [Элиасов 1980: 53]. Если допустить, что последний термин появился в результате перехода хоронима в апеллятивную лексику, внешний контур мегарегиона можно условно проводить по Алданскому нагорью. Вместе с тем, *алданом* называют и тайгу где-то за Баргузином, и прииски в тайге, и полные чудес места – почти мифическое Беловодье (см. иллюстрации к термину [Элиасов 1980: 53]). Для жителей южного Забайкалья, привыкших к открытым ландшафтам степи, опасные и чужие места начинались уже на границе таежной зоны.

Таблица 4

Структура пространства в севернорусской и забайкальской модели ойкумены

Зон а*	Структурные компоненты концентров и объекты их образующие	
	<i>Русский Север</i>	Забайкалье
Уровни организации пространственных образов		
I. Дом, усадьба		
II. Поселение		
I	Центральная часть села, церковь	<i>Сборня</i> ‘общественное помещение, где находится деревенская администрация’ [Элиасов 1980: 368] <i>Маковица</i> ‘макушка церкви’ [Элиасов 1980: 193]
II	Части деревни – <i>концы</i> , улицы, переулки	<i>Улка</i> ‘переулок, маленькая короткая улица’ [Элиасов 1980: 425]; <i>провулок</i> ‘переулок’ [Элиасов 1980: 335] <i>Каулок, каулки</i> ‘закоулки, малолюдные улицы’ 168
III	Глухая окраина, место около гумна, кладбище	<i>Паул</i> ‘два-три домика на отшибе у деревни’ [Элиасов 1980: 288] <i>Муской</i> ‘самый дальний переулок в деревне’ [Элиасов 1980: 215]
III. Малое пещище (надел, принадлежащий деревне)		
I	Околица, присельные поля	<i>Ревенки</i> ‘околица, место за деревней, где пасется скот’ [Элиасов 1980: 357].
II	Основной массив угодий; угодья в долине реки	<i>Назречный</i> ‘расположенный недалеко от реки (назречные дома, улица, огороды, поля, луга, сенокосы – А. С.)’ [Элиасов 1980: 277] <i>Подполье</i> ‘земля, занятая посевами хлеба, поля’ [Элиасов 1980: 310]
III	Лесные расчистки под пашню и покосы, отдаленные угодья	<i>Губа</i> ‘небольшое поле на лесной поляне’ [Элиасов 1980: 95] <i>Ланта</i> ‘небольшие пастбищные угодья, окруженные глухой тайгой или большими болотами’ [Элиасов 1980: 183] <i>Займище</i> ‘заимка в глухой тайге’ [Элиасов 1980: 121]
IV. Большое пещище – волость, церковный приход		
I	Селение с церковью	
II	Основные деревни, входящие в состав волости, прихода	
III	Отдаленные деревни	<i>Ороро</i> ‘о крестьянине из глухой деревни’ [Элиасов 1980: 269]
V. Микрорегион		
I	Волость, в которой расположено поселение	
II	Соседние волости	
III	Волости вдали от центра уезда	<i>Обселок</i> ‘село, расположенное вдалеке от тракта, захолустное село’ [Элиасов 1980: 256]
VI. Мезорегион – часть бассейна реки, побережья		

Часть бассейна реки		Часть бассейна реки, межгорная котловина
I	Центральный уезд	
II	Уезды, расположенные выше и ниже по реке	
III	Ненаселенные между- речные равнины	<i>Наши хребты</i> (из иллюстрации к слову <i>бакласный</i>) [Элиасов 1980: 59] <i>Зутан</i> 'труднопроходимая неизведанная тайга' [Элиасов 1980: 138]
VII. Макрорегион – поречье крупной реки, межгорная долина – подувалье		
Двинское поречье		Поречье
I	Верховье	<i>Верховский</i> 'живущий в верховье реки' [Элиасов 1980: 75]
II	Низовье	<i>Низ</i> 'нижнее течение реки' [Элиасов 1980: 243] <i>Низовский</i> 'житель низовой реки' [Элиасов 1980: 243]
III	Устье	<i>Прибрежный</i> 'живущий на берегу' [Элиасов 1980: 329] <i>Морсак</i> 'старожил прибрежных сел Байкала' [Элиасов 1980: 211]
VIII. Мегарегион		
Русский Север		Забайкалье
I	Бассейн Двины	<i>Осёлый народок</i> из иллюстрации к слову осёлый 'осёдлый' [Элиасов 1980: 269]
II	Бассейны соседних рек	
III	Земли, населенные инородцами (Печера и др.)	
IX. Трансграничный мегарегион		
Север Европы		Сибирь и Центральная Азия
I	Русский Север	<i>Сибирда</i> 'В дореволюционной России: о Сибири' [Элиасов 1980: 375] <i>Сибирка</i> 'сибирячка' [Элиасов 1980: 375]
II	Страны Северной Европы	Европейская Россия, соседние страны – Монголия, Китай <i>Россеец</i> 'русский, живущий в Европейской России' [Элиасов 1980: 360]
III	<i>Голомень</i> – море вдали от берегов	<i>Голомень</i> 'по суевырым преданиям безданные места на Байкале' [Элиасов 1980: 92]

* Цифрами обозначены: I – ядро; II – внутренняя зона концентров; III – внешняя переходная зона

В целом, территория и таежного, и степного *урмана* входила в зону совместного проживания русского и инородческого населения. Ареал расселения тунгусских родов (эвенков) охватывал *Баргузинскую тайгу* (Витимское плоскогорье), *Баунт* (Баунтовскую котловину), *Подлеморье* – северо-восточное побережье Байкала. *Боргойская, Хоринская, Агинская* степи были заселены преимущественно бурятами. Однако, практически вся территория Забайкалья так или иначе входила в крестьянскую ойкумену, чему немало способствовал комплексный характер хозяйства, развитие промыслов и золотодобычи, тесные контакты с инородческим населением. Эвенкийские и бурятские языковые заимствования вплетены в образы пространства и составляют органичное целое с русской, в т. ч. севернорусской народной географической терминологией.

По языковым данным территория Забайкалья была неотрывно связана с Сибирью, воспринималась как составная часть сибирских просторов. Оппозиция «сибиряк – *россеец*» играет важную роль в формировании образов наиболее крупных территориальных целостностей. В информационный слой вошли названия российских регионов, откуда приехали переселенцы: *бульба* 'прозвище переселенцев из Белоруссии': «Тут раньше все прозвища имели, нас звали бульбой, а

других, кто с Украины – подсолнухами...» [Элиасов 1980: 70]. Эти же названия групп населения использовались для выделения частей деревни, села – так разные уровни мега- и микроуровни организации ойкумены соприкасались в образах конкретных территориальных систем.

Граница в Забайкалье, как любом другом трансграничном регионе, не делит пространство на свое и чужое, а выступает в качестве объединяющего начала. *Хазгар* ‘нейтральная зона на границе’ [Элиасов 1980: 435] со второй половины девятнадцатого века и вплоть до 1920-х гг. становилась ареной праздника *тала*: «*На границе собирались русские и монголы, накрывали столы, обменивались подарками, произносили речи, в которых уверяли друг друга в дружбе, клялись не нарушать границ...*» [Элиасов 1980: 405]. Эта клятва носила название *тангарик* от бурятского *тангариг* ‘клятва, присяга, обет’ [Черемисов 1973: 413]. Слово *тала* переводится ‘друг, приятель’ [Черемисов 1973: 411]. Характерно, что *швед* в Забайкалье означает ‘непрощенный гость’ [Элиасов 1980: 461]. Слово записано у Байкала и на востоке региона, оно бытовало в языке семейских, потомков сосланных в Сибирь старообрядцев. Если принадлежность данного слова с явно отрицательной семантикой к севернорусской модели пространства может вызывать сомнения, то термин *голомень* ‘по суевным преданиям безданные места на Байкале’ [Элиасов 1980: 92] имеет бесспорное севернорусское, поморское происхождение. Этот образ по сути замыкает систему крестьянского космоса, сводит вместе даль и бездну – вертикальную и горизонтальные оси организации одомашненного пространства.

Печище как процесс

Пространство, которое в исторической географии определяется как *освоенное*, а в исследованиях этнографической и культурологической направленности как *одомашненное*, разворачивается по мере присоединения к ядру новых частей. Этот процесс происходит на всех уровнях – дома, поселения, печища: *обрез* ‘пристройка к дому из трех стен’ [Элиасов 1980: 254], *притык* ‘пристройка к дому или к какой-либо другой постройке’ [Элиасов 1980: 333], *приселок* ‘слобода, образовавшаяся позже основной части села’ [Элиасов 1980: 332], *прилога* ‘присоединение, прибавление (о земельном наделе) (присоединенный земельный участок – А.С.)’: «*Земли было мало, вот и прилога прибавили полоску*» [Элиасов 1980: 330]. Расширение пространства способствовало обособлению ядер: *матка* ‘дом, к которому сделана пристройка’ [Элиасов 1980: 198]. Модель забайкальская, архаичные черты

В геометрическом выражении процесс развертывания системы землепользования близок к построениям, создаваемым в русле синергетики. Синергетическая «вертушка» легко строится на основании лексики, вошедшей в блоки ресурсно-хозяйственной понятийно-терминологической системы (рис. 2). Начальный импульс формированию пространственной структуры печища дают первые угодья в тайге и степи: *залог* ‘раскорчеванное поле для посева’ [Элиасов 1980: 123], *курчажина* ‘небольшая площадь вырубленного леса среди таежного массива’: «*С начала в тайге курчажину делали, потом пашню из нее pripravляли*» [Элиасов 1980: 177], *сырец* ‘поднятая целина, еще не приготовленная для посева’ [Элиасов 1980: 402], *киследь* ‘вспаханная целина, первый раз идущая под посев’ [Элиасов 1980: 156]. Явление перехода лесной площади в земельное угодье фиксируют два близких значения слова *губа* ‘1. Небольшая поляна в лесу. 2. Небольшое поле на лесной поляне’ [Элиасов 1980: 95].

Расширение пашенных угодий вело к появлению *подполья* – земли, занятой посевами хлеба’: «*К подполью каждый год прирастала земля из-под корчевки. Тайги становилось меньше, подполье росло*»; «*Около деревни тянулось подполье, а дальше шли сенокосы и тайга. Всего подполья было десятин двести, сенокоса побольше, тайги никто не мерил*» [Элиасов 1980: 310]. Эта стадия соответствует формированию пашен в пределах субконцентра II. (рис. 2).

После освоения ближней зоны происходил переход на следующий уровень – *распашек* ‘поднятая целина, первый посев на целине’ [352]. Развитую форму землеустройства иллюстрирует термины *ахальной*, *бакласный*, *хальной* в значении ‘идущий без перерыва, сплошной, занимающий большое пространство’: «*Сразу за деревней ахальные поля расположены и покоса совсем нету. За пашней опять же тянется ахальная тайга*» [Элиасов 1980: 56]; «*Бакласные*

поля тянутся верст сорок» [Элиасов 1980: 59], «На сто верст хальные посевы» [Элиасов 1980: 437]. Одновременно с расширением земельного надела происходила внутренняя дифференциация контуров по самым разным преимущественно внегеографическим признакам – времени засева, выращиваемым культурам, расположению: *присевок* ‘небольшой участок земли, засеянный позже основного массива’ [Элиасов 1980: 332]; *ржань* ‘поле, засеянное рожью’ [Элиасов 1980: 358]. и описывающие континуальн *расчисток* ‘участок поля на месте залежи или раскорчеванного леса’ [Элиасов 1980: 356], *забар* ‘давно не обрабатываемая пахотная земля, залежь’ [Элиасов 1980: 114].

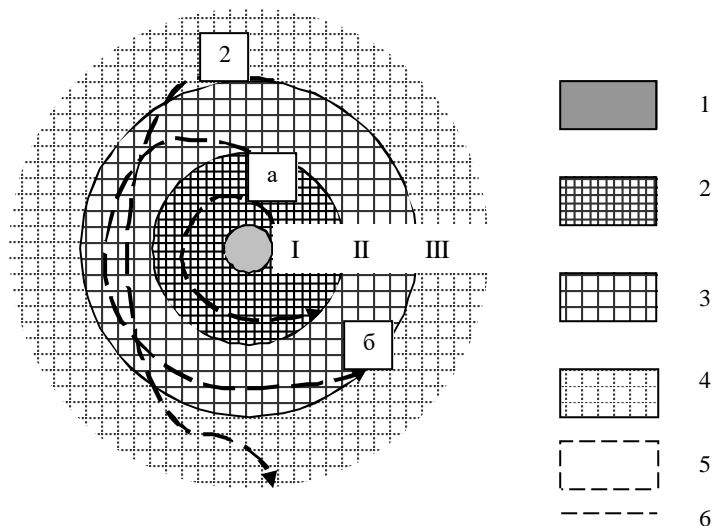

Рис. 2. Развертывание системы пашенных угодий: 1 – поселение; 2 – присельные или наиболее близко расположенные к поселению пашни; а – *подгон* ‘край земельного участка, подходящий к изгороди’ [Элиасов 1980: 306]; 3 – основной массив пашни: *подполье* ‘земля с посевами, поля’ [Элиасов 1980: 310]; 4 – угодья на границе земельного надела; б – *губа* ‘небольшое поле на лесной поляне’ [Элиасов 1980: 95]; I–III субконцентры (зоны) печища.

Пределы дома

Со времени появления постоянного жилища дом и дорога противостоят друг другу и одновременно тесно взаимосвязаны (см. Щепанская, 2003 и др.). Дом продолжается в дороге, ведущей от жилья и к жилью, в остановках на ночлег, первых признаках присутствия людей, в самом существовании владельца. Дом без хозяина – *дом колом* [Словарь русских... 1994: 480] в определенном смысле олицетворяет прорыв хаоса, перерыв во временной бесконечности существования традиционной культуры. Разрыв в континуальном пространстве одомашненного мира, хотя и не катастрофический, отражен в забайкальском слове *колина* ‘одинокий дом’: «Пока с этой колины до деревни доберешься, много дней уходит» [Элиасов 1980: 160].

Слова *дорога*, *путь* являются дескрипторами для выделения большого массива «селитебной» лексики и классификационным признаком в целом ряде блоков народного географического лексикона. Универсальны понятия «дом у дороги», «дом вдали от дорог»: *крестовка* ‘зимовье, стоящее на развилке дорог’ [Элиасов 1980: 170], *нарагон* ‘зимовье, избушка, стоящая в стороне от дороги’ [Элиасов 1980: 233], *обселок* ‘село, расположенное вдалеке от тракта, захолустное село’ [Элиасов 1980: 256]. Ямская гоньба стала основанием для появления многих региональных и локальных терминов – *сгон* ‘двор на пути перегона скота’ [Элиасов 1980: 371], *улачи* ‘ямская станция’ [Элиасов 1980: 425], *съездка* избушка, станция, где останавливались ямщики [Элиасов 1980: 402]. Развилки дорог несут дизъюнктивную разъединительную семантику, маркируются сакральными объектами: *растани* ‘развилка дорог, перекресток’: «С расстаней дорога уходила в город, и тут все прощались с рекрутами. Растани обмыты и облиты слезами новобранцев» [Элиасов 1980: 354]. Свою роль вносит дорога в структуру печища: *примак* ‘затоптанная часть

посева у ворот поля, дороги' [Элиасов 1980: 331]; *межина* 'широкая незасеянная полоса, по которой обычно проходит полевая дорога' [Элиасов 1980: 201].

Дом начинается задолго до возвращения. Это наглядно показывает содержание «дорожной лексики», занимающей обычно значительный объем в любой ресурсно-хозяйственной понятийно-терминологической системе. В Забайкалье зафиксировано слово *уда* 'река, дорога, тропа, которые могут вывести человека на обжитые места, на широкие просторы' [Элиасов 1980: 435]. Для путника мог стать ориентиром *щан* 'засечка, зарубка на дереве': «*Щаны встречались часто, недалеко от деревни, и сразу повеселели, ... значит, люди близехонько*» [Элиасов 1980: 467] и светящееся окно в доме – *гал* 'светящийся ориентир': «*По галу добрались до своего зимовья*»; «*В туман, когда по Байкалу плывешь и узришь гал, сердце радуется*» [Элиасов 1980: 86].

Особое значение в структуре одомашненного пространства имеют пути, выводящие к людям, увязывающие в традиционной картине мира дом и дорогу. Чем контрастнее переход от жилого пространства дома, двора, поселения к неосвоенному миру тайги (в степях этот контраст не столь очевиден), тем большую роль играют любые следы присутствия человека: заброшенные угодья и старые изгороди – *томог* 'заброшенная старая изгородь' [Элиасов 1980: 413]. Появление затесов на деревьях и троп свидетельствуют о заселенности территории, а хорошо развитая тропиноподобная сеть – о близости населенного пункта. В Забайкалье, где горнотаежные геосистемы резко сменяются ландшафтами лесостепных и степных котловин, сочетание «домашнего» и «дикого» закономерно. Оно нашло отражение в имеющем севернорусское происхождение термине *шалгат*: «*Шалгат начинался сразу за крайним домом деревни, да такой шалгат, что зайдет дремучий лес, подходящий близко к населенному пункту, от края сажень сто, и солнца не видно, и небо не проглядывается*» [Элиасов 1980: 459]. Для людей *тайговых* 'привыкших к тайге, таежных' [Элиасов 1980: 405] домом мог стать потушенный костер: *усур* 'место ночлега на потушенном костре' [Элиасов 1980: 430], *плоха* 'место на земле, нагретое костром, на котором устраиваются спать' [Элиасов 1980: 300]. В других значениях *плоха* 'временное лежбище лисицы'; 'тарелка с жиром и фитилем, служащая светильником (в доме – А. С.)'.

В степном печище переход к неосвоенным пространствам более постепенный. В пределах одного контура соседствуют участки со слабо- и средне измененными геосистемами – *притуг* 'часть сенокосного угодья, примыкающая к удобренному поливному участку степи' [Элиасов 1980: 333]. Нередко долинные луга и степи котловин образуют единый контур выгона: *бутуи* 'степи и луга, на которых скот пасется в холодное время года' [Элиасов 1980: 72]. Обживаемые степь (равно как и тайга) вовлекаются в круг ойкумены, генерируя все новые и новые центры одомашнивания пространства, где *тоسخон* 'несколько домиков в степи' [Элиасов 1980: 414] постепенно становится ядром нового поселения: «*Тосхон в деревню вырос. Теперь никто и не скажет, что еще десять лет назад тут тосхон был*» [Элиасов 1980: 414].

Дом, печище и все пространство ойкумены связаны в единую систему, где дом выполняет роль структурного, сакрального и информационного центра. Вместе со всем своим содержимым он отражается в пространстве, равно как пространство отражается в структуре и облике дома, между ними существуют отношения морфологического, структурного и динамического подобия. Модель дома – объемная структура, в которой заложен пространственный код, позволяющий описать земные миры и географическую реальность, вовлеченную в систему традиционной культуры. И дом, и все его продолжения в этом мире требуют поддержания равновесия, борьбы с действием внешних сил – не только мифологических и мистических, но и реально существующих, в чем все мы имеем возможность убеждаться ежечасно.

Литература

- Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
- Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов: Поселения, жилища, хозяйственные строения // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. 31.) М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 3-458.
- Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005.

- Гиббсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Грандилевский А.И. Родина М.В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сб. Отделения русского языка и словесности (ОРЯС). Т. 83. №5. СПб. С. 1-304.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. СПб.: Диамант, 1996.
- Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Калмыкова Л.Э. Народная вышивка Тверской земли. Вторая половина XVIII – начало XX в. Л.: Художник РСФСР, 1981.
- Маслов В.Г. Словарь говора Добринки (На материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области). Шуя: ШГПИ, 1993.
- Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск: Правда Севера, 2005.
- Просвирина И. С. Особенности семантики русских составных топонимов // Изв. Уральского гос. ун-та. Вып. 20. Екатеринбург, 2001. С. 35-48.
- Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети: Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
- Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука, 1991.
- Скрынникова Т.Д. Сакральное пространство // Гуманитарная география. Научно- и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. /Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2005. С. 365-370.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.:Изд-во С.-Петербургского университета, 1994. Т. 1.
- Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 27. Печки – поделывать. СПб.: Наука, 1992.
- Соколова (Семенова) А.А. Образ освоенного пространства в северно-русской культуре (к вопросу о зонировании территории национального парка) // Национальный парк как природно-антропогенная система. Сб. материалов совещания (9-15 августа 2003 г.). СПб.: РГО, 1994.
- Соколова А.А. Лексико-географический метод изучения ландшафта: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. СПб. 1996.
- Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990.
- Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1973.
- Щепанская Т.В. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. М.: Индрик, 2003.
- Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.